

ИЗ МАТЕРИАЛОВ КРУГЛОГО СТОЛА «ИСТОКИ И СМЫСЛ РУСОФОБИИ»

Болдин Владимир Алексеевич

Кандидат политических наук, доцент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Москва, Россия

«СОСТОЯНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА МОСКОВСКОГО» Ж. МАРЖЕРЕТА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ДИСКУРСИВНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ВОСПРИЯТИЯ РОССИИ¹

Аннотация

В данной статье предпринята попытка показать дискурс о России и русских во французском обществе XVII в. На основе анализа текста «Состояния Российской империи и Великого княжества Московского» Ж. Маржерета делается вывод, что уже в нем присутствуют самые разнообразные сюжеты — от относительно нейтрального описания до демонизации России. Таким образом, именно в этот период происходит не только «переоткрытие» России, но и вслед за усилением ее роли в европейской политике, формируется политический миф о стране, представляющей угрозу всей Европе.

Ключевые слова: Россия, Франция, Ж.Маржерет, дискурс, образ.

Русско-французские культурные связи на протяжении истории носили неоднородный характер. Одной из самых интересных для кросс-культурных исследований становятся XVII–XVIII вв., когда европейское общество не только заново открывает для себя Россию, но и вслед за усилением ее роли в европейской политике, формируется политический миф о «варварской» стране, представляющей угрозу всей Европе.

Важным для деконструкции генезиса взаимного восприятия двух стран становится дискурсивный анализ текстов, появившихся в этот период. Одним из таких источников является «Состояние Российской империи и Великого княжества Московского с описанием всего достопамятного и трагического, случившегося в правление четырех императоров, а именно с 1590 по сентябрь 1606 года» Жака Маржерета².

Маржерет был профессиональным наемным солдатом, который с 1600 по сентябрь 1606 г. состоял на службе в России, будучи очевидцем и участником многих событий. С приходом к власти Лжедмитрия I он становится начальником одного из отрядов гвардии. С приходом к власти Василия Шуйского Маржерет покидает Россию и отправляется во Францию, где был принят королем Генрихом IV, поручившим Маржерету письменно изложить все, что тот узнал о Московии. Издание заказанной книги было осуществлено в крайне сжатые сроки: в середине сентября 1606 г. Маржерет был еще в России, а в марте 1607 г. он уже получил привилегию на издание книги.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №23-28-00182, <https://rscf.ru/project/23-28-00182/> (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова).

² См.: *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях (Тексты, комментарии, статьи). М., 2007.

Выход книги вызвал интерес во всех слоях французского общества. Это можно объяснить тем, что описываемые события в России были отчасти аналогичны тем, что происходили в самой Франции в конце XVI в. Именно в силу исторических и политических параллелей, книга отставного капитана и стала интересна современникам. Более того, по-видимому, сам Генрих IV видел в Лжедмитрии I самого себя¹.

В самом начале произведения, в обращении к королю, автор говорит о том, что его задачей является «исправить ошибку многих, считающих Венгрию границей Христианского мира. Ибо доподлинно могу сказать, что Россия, описание коей я предпринимаю по поручению Вашего Величества, — один из надежнейших редутов Христианского мира, ибо эта Империя, эта страна более обширна, могущественна, населена и изобильна, чем думают, и лучше вооружена и защищена против скифов и иных магометанских народов, чем считают многие. Абсолютная власть государя в своем государстве внушает страх и почтение подданным, а внутри страны хороший порядок и управление защищают ее от постоянных варварских набегов»². На первый взгляд, может показаться, что Маржерет положительно относится к России, ставя ее в один ряд с католическим миром. Но это вовсе не так. Автор лишь противопоставляет России остальному «варварскому», мусульманскому и иудейскому миру, явно преследуя конъюнктурные политические цели, о которых было сказано ранее.

В частности, в тексте книги мы видим авторские сентенции, которые прямо высмеивают православие. Так, например, при попытках доказать подлинность «императора Дмитрия», Маржерет пытается объяснить его скептическое отношение к православному религии, тем, что сам «Дмитрий» побывал в Польше, «свободной стране», где познакомился с положениями «подлинно христианских знаний» и познал «смысл догматов веры». В качестве обоснования правомерности такого замечания автор книги приводит пример дьяка Постника Дмитриева, который побывав с посольством Бориса Федоровича в Дании и «узнав отчасти», что такое протестантская религия, по возвращении «среди близких друзей» критически отзывался о православной вере³.

При этом, как уверен Маржерет, он вовсе не выступает против русских как таковых, но скорее выступает на стороне тех, кто пытается их «цивилизовать». Об этом Маржерет пишет в заключительной части своего сочинения, выдавая свои мысли за мысли царя Бориса Годунова: «Ведь Борис Федорович... ненавидел не столько их, сколько их пороки, и так мало преуспел в их исправлении. Как же мог Димитрий, который отчасти узнал свет, некоторое время воспитывался в Польше – свободной стране – и среди знатных, по меньшей мере не желать как-то исправить и цивилизовать своих подданных?»⁴.

«Отсталость» русской культуры предстает перед Маржеретом в следующих явлениях. Во-первых, русские являются самой мнительной и недоверчивой нацией на свете. Во-вторых, русские, в первую очередь — дворянство, описываются Маржеретом как изобретательные взяточники. В-третьих, удивляет автора и то, что «...меж ними совсем не бывает дуэлей», а если произойдет дуэль между иностранцами, и если одна из сторон будет ранена...его наказывают как убийцу и ничто не служит для него оправданием»⁵. Наконец, по мнению Маржерета, все русские без различия заражены пороком пьянства, причем самого неумеренного⁶.

¹ Пирлинг П. Из Смутного времени. Статьи и заметки. СПб., 1902. С.193-194.

² Маржерет Ж. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях (Тексты, комментарии, статьи). М., 2007. С.115.

³ Там же. С.182.

⁴ Там же. С.182.

⁵ Там же. С. 164.

⁶ Там же. С.122.

Резюмируя, можно согласиться, что «сочинение Маржерета отражает противоречивость фигуры самого автора, которая повлияла и на содержание его книги»¹. В тексте автора встречаются самые разнообразные сюжеты – от относительно нейтрального описания до демонизации России, а главным маркером “варварства” становится невежество русских².

Библиография

1. *Болдин В.А.* Дискурсивные особенности восприятия России и русских французами в допетровский период // Диалог со временем. 2024. № 88. С. 83–94.
2. *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях (Тексты, комментарии, статьи). М., 2007.
3. *Мезин С.А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003.
4. *Пирлинг П.* Из Смутного времени. Статьи и заметки. СПб., 1902.
5. *Сорокопудова О.Е., Шириняню А.А.* Русский вопрос: французская русофобия в XIX веке. Статья вторая // Вестник Московского государственного областного университета. 2022. № 4.
6. *Шириняню А.А., Сорокопудова О.Е.* Русский вопрос: французская русофобия в XIX веке // Вестник Московского государственного областного университета. 2014. № 2.

Буров Александр Сергеевич

Аналитик аппарата проектора по работе со студентами РУДН им. Патриса Лумумбы
Москва, Россия

СВЯЗИ НАЦИЗМА И СОВРЕМЕННЫХ «КОЛОНИАЛЬНЫХ» ПРЕТЕНЗИЙ К РОССИИ. ДЕКОЛОНИАЛЬНЫЕ НАРРАТИВЫ В РУССКОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация

Нацизм как идеология, связанная с военной агрессией и геноцидом, во многом соответствует логике реализации колониального дискурса и неоколониализма, в частности. Фактически колониальный германский нацизм в Европе стал бумерангом, который вернул из Америки, Африки, Австралии и Азии те методы, которые цивилизованные европейцы не были готовы применить к себе, но хладнокровно применяли к другим. Вместе с тем возвращение темы колониализма и деколонизации в публичный дискурс продуктивнее рассматривать в конструктивистском ключе, как частный случай символической политики, то есть борьбы политических акторов за интерпретативное доминирование.

Ключевые слова: деколониальные нарративы, нацизм, колониализм, сепаратизм.

Нацизм как идеология, связанная с военной агрессией и геноцидом, а также основанная на тезисе о «превосходстве «высшей» группы над «низшими» группами,

¹ *Мезин С.А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003. С.335.

² Подробнее см.: *Болдин В.А.* Дискурсивные особенности восприятия России и русских французами в допетровский период // Диалог со временем. 2024. № 88. С. 83–94.

которые подлежат уничтожению»¹, во многом соответствует логике реализации колониального дискурса и неокOLONиализма, в частности. Еще в 1955 году известный французский общественный деятель Э. Сезер в своей знаменитой «Речи о колониализме»² открыто заявил о тождестве колониализма и нацизма³. Также в своих работах делает особый акцент на близость ценностного базиса нацизма, колониализма и неолиберального глобализма современный исследователь А.В. Щипков⁴.

Во второй половине XX века в западной науке была сформулирована концепция «поселенческого колониализма», выражающегося в «массовом переселении представителей титульного этноса метрополии на новые территории». Вместе с тем нацизмом в первой половине XX века также была предпринята попытка реализации «колониально-поселенческого проекта», который, к счастью, провалился и стал известен широким массам как попытка «расширения жизненного пространства на Востоке» за счет территорий Советского Союза»⁵. Нужно заметить, что бесчеловечные преступления германского нацизма (геноцид оккупированного населения, расовая сегрегация, вмешательство в демографические процессы и т.д.), которые шокировали цивилизованный западный мир, совершались по методам англо-саксонской колониальной политики на других континентах. Фактически колониальный германский нацизм в Европе стал бумерангом, который вернул из Америки, Африки, Австралии и Азии те методы, которые цивилизованные европейцы не были готовы применить к себе, но хладнокровно применяли к другим.

В исследовательском сообществе существует по меньшей мере три основных научных традиции изучения проблематики неокOLONиализма: традиция колонизированных стран, традиция стран-колонизаторов и советская традиция. Отдельно стоит выделить опыт советской науки, который отличается глубиной и серьезным качеством проработки материала. Из результатов советских исследований следует, что коллективный европейский неокOLONиальный опыт реализует ряд механизмов, с помощью которых бывшие метрополии продолжают свою «эксплуататорскую политику». «Новая расстановка сил на международной арене, сложившаяся в результате разгрома германского нацизма, в котором Советский Союз сыграл решающую роль, благоприятствовала успешному развитию национально-освободительного движения»⁶. Однако, после поражения Третьего рейха процессы, связанные с неокOLONиализмом, милитаризмом и реваншизмом в западногерманском империализме не только не закончились, но продолжились с новой силой. Так, исследователи из ГДР в своих работах констатировали, что ФРГ стала восприниматься странами коллективного Запада как «ударная сила международного империализма и неокOLONиалистский «открыватель дверей», обладающий «функцией лоцмана»⁷. «Жесткая и последовательная антиколониальная борьба, развернувшаяся в 1960-е годы, практически сошла на нет к середине 1980-х годов, оставив десятки стран в глубоко

¹ Иванов А.Ю. Понимание термина «Нацизм» применительно к статье 354. 1 уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2 (36). С. 73–75.

² URL: <http://www.larevuedesressources.org/IMG/pdf/CESAIRE.pdf> (дата обращения: 8.11.2024).

³ Бибнев, А.А. Сепаратизм на Мартинике // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2016. № 32. С. 92–97.

⁴ Щипков А.В. Идеология социального традиционализма (социал-традиция) // Ортодоксия. 2022. №2. С.11-47.

⁵ Яковлев Е.Н. Не «структура, а событие»: нацистская «война на уничтожение» в дискурсе поселенческого колониализма // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т.12. № 4(102).

⁶ Брутенц К.Н. Против идеологии современного колониализма. М., 1961.

⁷ Фридендер П., Шиллинг Х. НеокOLONиализм Западной Германии (сущность, особенности и методы). М., 1963.

укоренившейся системе неокOLONиализма»¹. Основной причиной этому послужил «уход с исторической арены непримиримого борца и «ледокола» колониального мира – СССР», который сыграл решающую роль в принятии Резолюции 1514 (XV) ГА ООН «Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам» от 14 декабря 1960 г.² Указанную паузу в антиколониальной борьбе (с середины 1980-х годов до конца 2010-х годов) иностранные исследователи определяют как «постколониальный момент»³. Безусловно, этой паузой воспользовался коллективный Запад, который постарался отвести от себя претензии некогда поработанных стран и извратил идеи антиколониального дискурса, объявив «главным колониалистом» Советский Союз. После чего последовали болезненные процессы декоммунизации, которые со временем логично перетекли в прямую поддержку регионального сепаратизма внутри Российской Федерации.

Обращение к данной теме обусловлено резким всплеском публичного интереса к проблематике колониализма, вышедшим далеко за рамки академической дискуссии. Перестройка пост-ялтинского миропорядка, связанная для России с проведением специальной военной операции на Украине, актуализировала концепты «колониализм» и «деколонизация» одновременно во многих сегментах русскоязычного политического дискурса. Так, на Заседании Совета по межнациональным отношениям В.В. Путин отметил, что «Наши противники решили, что многонациональность России – это и есть её уязвимое место, и делают всё, чтобы нас разобщить». После распада СССР постколониальная теория на русском языке широко представлена, в частности, в работах М. Глосановой, занимающейся в рамках «social justice theory» деколониальными и гендерными исследованиями, С. Абашина, А. Эткинда, украинских исследователей М. Павлишина и В. Черницкого, казахского исследователя Д. Кудайбергеновой и др.⁴

Одновременно с этим дискурс «деколонизации России» применяется в целях искусственной актуализации национального и религиозного сепаратизма. Как и в годы холодной войны, агенты иностранных структур, заинтересованные в подрыве территориального единства Российской Федерации, выступают от имени, якобы, «притесняемых» народов.

Указанные угрозы, вне всякого сомнения, требуют от органов государственной власти, гражданского и академического сообществ повышенного внимания, а также совместной и систематичной деятельности по выработке методов эффективного противодействия.

Вместе с тем возвращение темы колониализма и деколонизации в публичный дискурс продуктивнее рассматривать в конструктивистском ключе, как частный случай символической политики, то есть борьбы политических акторов за интерпретативное доминирование.

¹ Taylor I. Sixty Years Later: Africa's Stalled Decolonization // Vestnik RUDN. International Relations. 2020. Vol. 20. N 1. P. 39–53.

² Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (дата обращения: 8.11.2024). См. также: Дегтерев Д.А. К окончанию «постколониального момента» антиколониальной борьбы: контуры исследовательской программы // Постколониализм и современность. 2022. № 1.

³ Krauthammer Ch. The Unipolar Moment // Foreign Affairs. 1991. Vol. 70. N 1. P. 23–33.

⁴ Прилепский П.А., Бузов С.А. Технологии внешнего влияния на политику Российской Федерации в контексте специальной военной операции на Украине // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2023. Т. 20. № 2. С. 126–140.

Библиография

1. *Бибнев А.А.* Сепаратизм на Мартинике // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2016. № 32. С. 92–97.
2. *Брутенц К. Н.* Против идеологии современного колониализма. М., 1961.
3. *Дегтерев Д.А.* К окончанию «постколониального момента» антиколониальной борьбы: контуры исследовательской программы // Постколониализм и современность. 2022. № 1.
4. *Иванов А.Ю.* Понимание термина «Нацизм» применительно к статье 354. 1 уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2 (36). С. 73-75.
5. *Прилепский П. А., Буров А.С.* Технологии внешнего влияния на политику Российской Федерации в контексте специальной военной операции на Украине // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2023. Т. 20. № 2. С. 126-140.
6. *Фридендер П., Шиллинг Х.* Неоколониализм Западной Германии (сущность, особенности и методы). М., 1963.
7. *Щипков А.В.* Идеология социального традиционализма (социал-традиция) // Ортодоксия. 2022. №2. С.11-47.
8. *Яковлев Е.Н.* Не «структура, а событие»: нацистская «война на уничтожение» в дискурсе поселенческого колониализма // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т.12. № 4(102).
9. *Krauthammer Ch.* The Unipolar Moment // Foreign Affairs. 1991. Vol. 70. N 1. P. 23–33.
10. *Taylor I.* Sixty Years Later: Africa's Stalled Decolonization // Vestnik RUDN. International Relations. 2020. Vol. 20. N 1. P. 39–53.

Васенина Елизавета Дмитриевна

Студент бакалавриата факультета политологии Московского государственного университета имени М. В Ломоносова
Москва, Россия

ВЛИЯНИЕ ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК «ПУТЕШЕСТВИЯ В СИБИРЬ» ЖАНА ШАППА Д'ОТРОША НА ИЗМЕНЕНИЕ ОБРАЗА РОССИИ ВО ФРАНЦИИ В XVIII ВЕКЕ

Аннотация

Статья посвящена изменению образа России в французском обществе XVIII века под влиянием путевых заметок Жана Шаппа д'Отроша «Путешествие в Сибирь».

Ключевые слова: путевые заметки, французская русофобия, образ России, Жан Шапп д'Отрош.

Первая половина XVIII века в французском обществе была ознаменована появившимся интересом к России как ранее не изученной стране. Несмотря на это, изучение российского общества продвигалось достаточно медленно, в основном ученые полагались на сведения немногочисленных российских путешественников,

остановившихся во Франции. Из французских деятелей, которые побывали в России, стоит отметить Жозефа-Николя Делиля, который более 20 лет работал в российской Академии наук, именно он предоставил наиболее подробные данные о географии, климате и природе России¹. И аббата Жака Жюбе, который составил отчет «Религия, нравы и обычаи москвитов с присовокуплением некоторых подробностей о тамошней схизме ввиду их возможного присоединения к католической церкви», изданный гораздо позднее написания². В целом в это время образ России во Франции был нейтрально-положительным, ученые в основном были сосредоточены на изучении географических особенностей. Исключением является итальянец Ф. Локателли, анонимно опубликовавший в 1736 году в Париже «Московские письма», в которых Россия была показана отстающей страной, населенной варварами, но эта работа оказала не столь большое влияние на французское общество³.

В начале второй половины XVIII века образ России начал оформляться скорее как идеалистический⁴, этому способствовали философы Просвещения — Д. Дидро, Вольтер⁵, Ф. М. Гримм⁶, которые вели активную переписку с Екатериной II. В 1759 году была издана книга Вольтера «История Российской империи», в которой Петр I предстает перед читателем идеальным правителем, привнесшим в Россию новые порядки, искусство и способствовавший развитию общества⁷. Складывается следующая обстановка: сугубо научных данных о России во Франции достаточно, и в общественно-политической мысли постепенно формируется положительный образ государства, чуть ли не превосходящего Францию.

Так, на этом фоне в 1761 году по приказу короля аббат Жан Шапп д'Отрош отправляется в Россию для астрономического исследования, параллельно он ведет путевые заметки, где подробно записывает особенности быта и жизни людей. После поездки он возвращается и 6 лет дополняет свою работу, которая выходит в свет в 1768 году. Россия в заметках д'Отроша предстает перед читателем как отсталая страна с гнетущим крепостным правом и деспотом во главе. Развитие общества тоже оставляет желать лучшего — народ, хоть и бывает добр, в основном лениться и пьянствует⁸.

Реакция французского общества была ошеломительной — работа д'Отроша произвела неизгладимое впечатление и сыграла большую роль в формировании русофобской мысли во Франции, так как, как отмечают исследователи, если до публикации «Путешествия в Сибирь» французские мыслители были скорее русофилы⁹, то работа д'Отроша послужила отправной точкой для формирования критического взгляда на Россию. После нее последовал ответ просветителей: Вольтер и Гримм были на стороне Екатерины II и считали, что работа д'Отроша не заслуживает

¹ *Chabin Marie-Anne*. La curiosité des savants français pour la Russie dans la première moitié du XVIIIe siècle, 1985.

² *Karrer d'Ankoss Э.* Императрица и аббат: Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отроша. М., 2005

³ *Mervaud M.* L'envers du «mirage russe»: Deleyre et Chappe d'Auteroche, 1998.

⁴ *Циллюрик Д.Д.* Образ России во Франции: формирование матрицы восприятия в XVIII – начале XIX вв., // Электронный научный журнал «Медиаскоп». 2012. №1.

⁵ Переписка российской императрицы Екатерины II и господина Вольтера, Москва, 1812.

⁶ *Гротт Я.К.* Екатерина II в переписке с Гриммом, СПб., 1878.

⁷ *Вольтер.* История Российской империи в царствование Петра Великого. М., 1809.

⁸ *Karrer d'Ankoss Э.* Императрица и аббат: Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отроша. М., 2005.

⁹ *Mervaud M.* L'envers du «mirage russe»: Deleyre et Chappe d'Auteroche, 1998.

внимания¹. Императрица, в свою очередь, анонимно опубликовала опровержение в 1770 году, которое назвала «Антидот». Однако ни Вольтер с Гриммом, ни Екатерина не снискали большого внимания во Франции, и образ России, созданный д'Отрошем закрепился.

В французской историографии до наших дней², в основном делается упор на то, что исследования д'Отроша было географическое и астрономическое несмотря на то, что как отмечалось ранее, большая часть данных о географии, климате, природе России у Франции копилась уже как полвека и была в достаточно большом объеме. Помимо этого, можно говорить и о том, что в западной историографии работа д'Отроша стала ничем иным, как истиной в последней инстанции. Исследователи считают, что именно д'Отрош первый приоткрыл французскому обществу «настоящее» положение дел в России. Можно было бы предположить, что работа аббата была воспринята обществом с настолько большим интересом, потому что в ней транслируется противоположное мнение о России относительно господствующего на тот момент, но стоит вспомнить, что еще в первой половине XVIII века Локателли опубликовал свою работу, которая не была замечена. Здесь важным моментом выступает то, что поездка д'Отроша в Сибирь была именно по приказу короля, Локателли же писал «Московские письма» по своему желанию. Это позволяет говорить о том, что работа д'Отроша была политической и именно при поддержке короля она приобрела большую известность. Помимо этого, в 1951 году Альбером Лортолари в западной историографии был сформирован образ «русского миража». «Русский мираж» — идеалистический образ России, с мудрым правителем во главе, сложившийся благодаря французским просветителям — преимущественно Вольтеру³. Россия для них — это передовая страна, которая может стоять даже выше Франции по уровню культурного и общественного развития. Так, по мнению западных исследователей, д'Отрош стал первым развенчателем этого образа⁴.

Именно после публикации «Путешествия в Сибирь» можно отметить начало формирования негативного образа России в сознании французов, так как после заметок д'Отроша почти сразу последовала работа А. Делейра «Краткое изложение общей истории путешествий», вышедшая в свет в 1780 году, в которой он описывает Россию как варварскую страну, которая никогда не встанет на один уровень с Францией⁵. На протяжении XIX века можно говорить о закреплении негативного образа России в французском обществе, примером может послужить работа маркиза де Кустина «Россия в 1839 году».

Таким образом, работа д'Отроша послужила отправной точкой для формирования русофобской мысли во Франции, так как после нее негативный взгляд на Россию закрепился и продолжил развиваться.

Библиография

1. *Вольтер*. История Российской империи в царствование Петра Великого. М., 1809.

¹ Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями А.Н. Пыпина. Т.7. Антидот. СПб., 1901.

² *Bonafous-Murat Cyrille*. Le Voyage en Sibirie de l'abbé Chappe d'Auteroche quand l'enquête scientifique devient un enjeu politique // Bibliotheque Diderot de Lyon, 2019.

³ *Мезин С.А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003.

⁴ *Mervaud M.* L'envers du «mirage russe»: Deleyre et Chappe d'Auteroche, 1998.

⁵ *Deleyre*. Abrégé de l'histoire générale des voyages, 1780.

2. *Гротта Я.К.* Екатерина II в переписке с Гриммом. СПб., 1878.
3. *Каррер д'Анкокс Э.* Императрица и аббат: Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отероша. М., 2005
4. *Мезин С.А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003.
5. Переписка российской императрицы Екатерины II и господина Вольтера, Москва, 1812.
6. Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями А.Н. Пыпина. Т.7. Антидот. СПб., 1901.
7. *Цилюрк Д.Д.* Образ России во Франции: формирование матрицы восприятия в XVIII – начале XIX вв. // Электронный научный журнал «Медиаскоп». 2012. №1.
8. *Bonafous-Murat C.* Le Voyage en Sibérie de l'abbé Chappe d'Auteroche quand l'enquête scientifique devient un enjeu politique // Bibliotheque Diderot de Lyon, 2019.
9. *Chabin Marie-Anne.* La curiosité des savants français pour la Russie dans la première moitié du XVIIIe siècle, 1985.
10. *Deleyre.* Abrégé de l'histoire générale des voyages., 1780.
11. *Mervaud M.* L'envers du « mirage russe: Deleyre et Chappe d'Auteroche, 1998.

Кассамединова Алсу Амантаевна

Студент магистратуры факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия

ИЗМЕНЕНИЕ ОБРАЗА РОССИИ В ИРАНСКОЙ МЫСЛИ: ОТ ПРОТИВОСТОЯНИЯ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

Аннотация

Статья посвящена анализу изменения отношения к России в иранской социально-политической мысли: от исторической русофобии к современному прагматичному партнёрству. Рассматриваются причины антироссийских настроений, их культурные и исторические корни, а также позитивные изменения последних лет, которые открывают перспективы для укрепления сотрудничества между Ираном и Россией в условиях многополярного мира.

Ключевые слова: образ России, иранская социально-политическая мысль, историческая память, русофобия, стратегический альянс.

История российско-иранских отношений представляет собой сложный процесс, включающий не только политическое и военное взаимодействие, но и формирование устойчивых культурных и социально-политических представлений. Русофобия в Иране – это не только прямое отражение дипломатических и военных конфликтов, но и результат формирования исторической памяти и культурных стереотипов. Образ России в иранской мысли отчасти сформировался через призму противоречий и конкуренции, что стало питательной средой для развития

негативных настроений, которые позднее нашли отражение в иранской политической философии.

Русофобия как феномен в иранском контексте во многом берет своё начало в XVIII–XIX веках, когда активная экспансия Российской империи на Кавказе и в Средней Азии создавала угрозу влиянию Ирана в регионе. Русско-иранские войны (1804–1813, 1826–1828), завершившиеся для Ирана тяжёлыми территориальными потерями, породили в обществе глубокие антироссийские настроения. Туркманчайский мирный договор (1828), вынудивший Иран уступить России территории в Закавказье, стал символом национального унижения. Эти события оставили глубокий след в иранской исторической памяти, укрепив представления о России как агрессивной силе, угрожающей суверенитету Ирана¹.

В социально-политической мысли Ирана образ России как противника нашёл отражение в работах ряда философов и писателей. В начале XX века интеллигенция, изучавшая западные политические идеи, стала критиковать как Запад, так и Россию, рассматривая их как иностранные силы, навязывающие Ирану чуждые интересы. Саттар-хан и Бакир-хан, лидеры иранского конституционного движения, в своих трудах подчёркивали опасность иностранного вмешательства, включая российское влияние, и предостерегали от российской политической экспансии, которая ограничивала суверенитет Ирана².

Со временем русофобские идеи в иранской философии усиливались под влиянием западной философии и идеологий. Антизападные и антиимпериалистические настроения, характерные для иранской интеллигенции, распространялись и на Россию, которая воспринималась как имперская сила, сопоставимая с западными державами. Движение против западного "гарбзадеги" (западничества) включало критику России, которая считалась частью того же угнетающего блока держав. Иранский философ Джалал Ал-е Ахмад, например, в своей критике западничества часто упоминал и Россию как одну из сил, угрожающих культурной идентичности Ирана³.

В трудах иранского философа Али Шариати русофобия проявляется через критику России как имперской державы, аналогичной западным странам, навязывающим свои культурные и политические нормы другим народам. Шариати, один из лидеров антиколониального движения, рассматривал любую внешнюю силу, стремящуюся к экспансии и влиянию, как угрозу культурной самобытности Ирана. Для Шариати Россия, как и Запад, являлась частью глобальной системы, угрожающей национальной идентичности и независимости стран Востока. По его мнению, отношения с Россией должны строиться осторожно, с учётом исторических прецедентов и сдерживания любого давления, угрожающего иранской культуре и исламским ценностям⁴.

¹ Ромаскевич А.А. Борьба между Ираном, Хивой и Бухарой и участие в этой борьбе туркмен (извлечения из «Тарих-и-алям-ара-и-Аббаси» Искандера Мунши) // Материалы по истории туркмен и Туркмении. М., 1938. С. 65–115.

² Андреев А.А., Екатерина П.П., Сергей Е.К. Несостоявшийся союз: российско-иранские отношения накануне смутного времени в иранской и российской историографии // НП/НР. 2020. №3. С.84-100.

³ Терехина М.А. Проблема взаимоотношения Востока и Запада в творчестве Джалал Але Ахмада // История и историческая память. 2023. №27.

⁴ Михель Д.В. «Красный шиизм» Али Шариати: философия «срединной школы» и исламская революция в Иране // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2021. №3.

Исламская революция 1979 года также оставила отпечаток на восприятии России в Иране. Хотя революция привела к разрыву отношений с западными державами, Россия (тогда уже Советский Союз) оставалась объектом настороженности и идеологического отторжения. Советская поддержка различных партий и движений на Ближнем Востоке воспринималась как угроза иранскому суверенитету, а советская модель развития считалась чуждой и опасной для исламской республики. Это напряжение сохранялось и после распада СССР: Россия продолжала восприниматься как великая держава с собственными геополитическими интересами, что укрепляло существующие в иранском обществе русофобские настроения.

В начале XXI века, однако, наблюдается смягчение русофобии в иранской политической мысли на фоне общего усиления многополярных настроений и стремления к сотрудничеству с Россией в противовес западным державам. Отношения стали носить более прагматичный характер, и Иран начал рассматривать Россию как важного партнёра в противостоянии западному давлению.

В последние годы иранско-российские отношения вступили в новую, более благоприятную фазу. Взаимные интересы, такие как противодействие западному влиянию и укрепление региональной стабильности, способствовали развитию более тесного стратегического партнёрства между странами. Современные иранские мыслители и политики всё чаще рассматривают Россию не как соперника, а как надёжного партнёра, разделяющего принципы многополярного мира и уважения к культурной самобытности. Усиливающееся сотрудничество в экономической, военной и энергетической сферах открывает новые перспективы для обоих государств, прокладывая путь к взаимовыгодному союзу, основанному на уважении суверенитета и культурных ценностей. Этот позитивный сдвиг говорит о том, что исторические разногласия уступают место прагматичному диалогу и укреплению доверия, что даёт основание надеяться на продолжительное и продуктивное взаимодействие между Ираном и Россией.

Библиография

1. *Ромаскевич А.А.* Борьба между Ираном, Хивой и Бухарой и участие в этой борьбе туркмен (извлечения из «Тарих-и-алям-ара-и-Аббаси» Искандера Мунши) // *Материалы по истории туркмен и Туркмении.* М., 1938.

2. *Андреев А.А., Екатерина П.П., Сергей Е.К.* Несостоявшийся союз: российско-иранские отношения накануне смутного времени в иранской и российской историографии // *НП/НР.* 2020. №3. С.84-100.

3. *Михель Д.В.* «Красный шиизм» Али Шариати: философия «срединной школы» и исламская революция в Иране // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал.* 2021. №3.

4. *Терехина М.А.* Проблема взаимоотношения Востока и Запада в творчестве Джалал Але Ахмада // *История и историческая память.* 2023. №27.

Киселева Зоя Глебовна

Студент бакалавриата факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ РУСОФОБИИ

Аннотация

На протяжении многих веков русофобия культивировалась как явление, чаще всего связанное с наличием геополитических претензий в сторону Российского государства. Это часто приводит к враждебному отношению к культуре в целом. Рассмотрение цивилизационных корней русофобии позволяет осознать не только генезис явления, но и проследить его практическое выражение в современной политике.

Ключевые слова: Россия, Запад, цивилизация, противоречия, русофобия.

Монгольское нашествие в XIII веке, ознаменовавшее восприятие России как «другого», уже как часть деспотического Востока; религиозные различия между восточным православием и западным христианством, которые стали основанием окончательного культурного раскола между двумя обществами («разрыв 1054 г., завершивший схизму католической церкви, тем самым завершил и процесс дифференциации социальных структур. Образовалось два новых общества – западное и православное»¹); геополитическое противостояние между Россией и Западом в XIX веке, выраженное в активной пропаганде Великобритании против России; критика русской литературы, философии как заимствований, – это только некоторые элементы глубоких цивилизационных противоречий между Россией и странами Запада. Сейчас перед Россией, как отмечает В. И. Якунин особенно остро стоит вопрос о «науке, культуре и образованию, вопрос об авторитете и влиятельности в мире, о ее устойчивом развитии в будущем»². Для ответа на важнейший вопрос об обретении особой миссии России, ее пути, о значимости в международном сообществе, необходимо сперва обозначить цивилизационные границы России с Западом и другими странами. Эти границы, в свою очередь, лишь обостряют уже имеющиеся противоречия, которые с XIX века принято называть русофобией.

Обозначим, что можно назвать цивилизацией. По мнению авторитетного представителя американской мысли С. Хантингтона цивилизация – это «ярко выраженная культура»³. Ключевыми культурными элементами цивилизации по мнению политолога являются кровь, язык, стиль жизни и религия, которую Хантингтон выделяет как наиболее важный элемент, определяющий цивилизацию. Философ О. Шпенглер понимает цивилизацию как органически-логическое следствие исхода культуры: «Цивилизация – неизбежная судьба культуры... Цивилизации суть самые крайние и самые искусственные состояния, на которые способен более высокий тип людей. Они – завершение... Они – конец»⁴. Таким образом, цивилизация является наивысшим

¹ См.: Тойнби А. Постижения истории. М., 2002.

² Якунин В.И. 1150-летие российского государства: исторические традиции и вызовы XXI века // Российская государственность: исторические традиции и вызовы XXI века. Материалы Всеросс. науч.-обществ. конф., 19 сентября 2012 г., Великий Новгород. М., 2013. С.23.

³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 1996. С. 62; см. также: Гуторов В.А. О некоторых тенденциях интерпретации концепции прогресса в современной социальной теории // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 39.

⁴ Шпенглер О. Закат Европы. Т.1. М., 1998. С. 163.

выражением культурного родства людей, она становится самым высоким уровнем самоидентификации индивида. Поэтому, особенно важно проследить, что именно может являться предпосылкой появления русофобии как феномена, укоренившегося в наивысшей форме идентификации западного человека.

Перейдем к определению русской или православной цивилизации. По мнению Хантингтона, российская цивилизация – это «продукт самобытных корней Киевской Руси и Москвы, существенного византийского влияния и длительного монгольского правления. Эти факторы и определили общество и культуру, которые мало схожи с теми, что развились в Западной Европе под влиянием совершенно иных сил»¹. Россия оказалась в стороне от наиболее важных культурных изменений, которые были присущи Западу: «римское католичество, феодализм, Ренессанс, Реформация, экспансия и колонизация заморских владений, Просвещение и возникновение национального государства. Семь из восьми перечисленных ранее отличительных характеристик западной цивилизации – католическая религия, латинские корни языков, отделение церкви от государства, принцип господства права, социальный плюрализм, традиции представительных органов власти, индивидуализм – практически полностью отсутствуют в историческом опыте России. Пожалуй, единственным исключением стало античное наследие, которое, однако, пришло в Россию из Византии и поэтому значительно отличалось от того, что пришло на Запад непосредственно из Рима»². Здесь американский политолог говорит о том, что русская цивилизация в корне отличается от западной несмотря на наличие общих истоков, эта мысль подчеркивает неверность представлений о «единстве цивилизации» и говорит об особом развитии русского мира.

По каким причинам возможны цивилизационные противоречия между западной и православной культурами? Например, одной из них является заблуждение современного западного мира в универсальности вещей, в единстве цивилизации. А. Дж. Тойнби видит причину популярности такого заблуждения в том, что «западная цивилизация распространила свою экономическую систему по всему миру. За экономической унификацией, которая зиждется на западном основании, последовала и политическая унификация, имеющая то же основание и зашедшая почти столь же далеко»³. Очевидно, что западные философы и историки сильно преувеличивают значимость экономической экспансии по всему миру. Более того, этот аргумент используется в качестве подтверждения унификации не только экономической системы, но и культуры, политического режима итд. Запад называет себя уникальной цивилизацией, которая достигла основной цели – мирового господства. Это обстоятельство порождает вражду между остальными цивилизациями, которые претендуют на самобытность, собственный путь, отказываются от только западного мировоззрения. Например, чтобы поддерживать один из важнейших конструктов западного общества, демократию, граждане должны иррационально верить в нее на уровне этической привычки. То есть, навязываемые Западом политические и культурные мифы даже могут быть не обоснованы, об этом пишет Ф. Фукуяма в своем труде «Конец истории и последний человек»: «Но истина значительно сложнее, поскольку успех либеральной политики и либеральной экономики часто основывается на иррациональных формах признания, которые либерализм должен был преодолеть.

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 1996. С. 310.

² Там же. С. 310.

³ См.: Тойнби А. Постижении истории. М., 2002.

Чтобы демократия работала, граждане должны испытывать иррациональную гордость за свои собственные демократические институты, а также развивать то, что Токвиль называл "искусством объединения", основанным на гордой привязанности к небольшим сообществам»¹.

Таким образом, становится предельно ясно, что русофобия является следствием конфликта двух цивилизаций – западной с ее стремлением унифицировать все, даже те явления, которые считаются иррациональными и русской, которая обретает все большую культурную независимость и идет вразрез с уже намеченным маршрутом западного человека.

Библиография

1. *Гуторов В.А.* О некоторых тенденциях интерпретации концепции прогресса в современной социальной теории // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 32–43.
2. *Тойнби А.* Постижении истории. М., 2002.
3. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 1996.
4. *Шпенглер О.* Закат Европы. Т. I. М., 1998.
5. *Якунин В.И.* 1150-летие российского государства: исторические традиции и вызовы XXI века // Российская государственность: исторические традиции и вызовы XXI века. Материалы Всеросс. науч.-обществ. конф., 19 сентября 2012 г., Великий Новгород. М., 2013. С. 23–37.
6. *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. N.Y., 1992.

Кургинова Дарья Юрьевна

Студент магистратуры факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия

«МНЕНИЕ СЕМИ УНИВЕРСИТЕТСКИХ ДОКТОРОВ»: ЯПОНИЯ НА ПОРОГЕ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ²

Аннотация

В рамках статьи автор предпринимает попытку проанализировать японскую статью «Мнение семи университетских докторов», подготовленную коллективом авторов накануне войны с Россией. Цель исследования – выделить ключевые отличительные черты антирусских настроений в Японии конца XIX – начала XX века от русофобии Запада. Метод – политико-текстологический и историко-политический анализ.

Ключевые слова: история социально-политических учений, политическая текстология, Япония, Японская империя, русско-японская война.

Конец XIX – начало XX века в Японской империи ознаменовались ростом антирусских настроений, которые, вопреки распространенному мнению, начались задолго до русско-японской войны. Так, уже после японо-китайской войны (1894–1895), когда, несмотря на победу, под давлением России, Франции и Германии

¹ *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. N.Y., 1992. P. 19.

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №23-28-00182, <https://rscf.ru/project/23-28-00182/> (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова).

«страна восходящего солнца» была вынуждена вернуть Китаю столь желанный Ляодунский полуостров, стало ясно: конфликт двух держав неизбежен.

Позже, в 1898, Российская империя арендовала у империи Цин незамерзающие порты — Порт-Артур и Дальний, которые, как и вся южная оконечность полуострова, вошли в состав Квантунской области, управляемой Россией, учрежденной на территории, переданной Китаем в арендное пользование Российской империи на 25 лет без какой-либо платы в обмен на военно-политическую поддержку Россией Китая против японской агрессии. Далее, волну недовольства в Японской империи спровоцировал «маньчжурский вопрос» — спор из-за оттягивания вывода российских войск с территории Маньчжурии после подавления боксерского (ихэтуаньского) восстания в Китае¹.

На фоне внешнеполитических проблем среди граждан Японской империи при поддержке ультранационалистических группировок стала распространяться мысль о том, что необходимы решительные действия, а именно война². Особенно, данную идею подпитывал азиатизм или паназиатизм — совокупность идей и концепций по объединению Азии, её интеграции, а также совместному противостоянию западной колонизации. В них также вошёл и ряд проектов-утопий о создании Сибирской республики, о реализации «великой миссии перед миром» и «построении на Востоке идеальной страны человечности, справедливости и морали»³. Как отметил японский националист и основатель праворадикального общества «Кокурюкай» (с яп. «Общество черного дракона») Утида Рёхэй⁴, в связи с Маньчжурским вопросом общественное мнение японцев разделилось «на две части: одни требуют войны, другие — предоставления свободы действия России»⁵.

Ярким событием, всколыхнувшим японскую прессу в 1903 г., стала статья «Мнение семи университетских докторов», написанная шестью профессорами Токийского императорского университета Томидзу Хирондо, Томии Масаакира, Такахаши Сакуэ, Тэрао Тоору, Онодзука Кихэйдзи, Канаи Нобору и одного представителя университета Гакусюин» Накамура Синго⁶. Изначально она являлась докладом, представленным коллективом авторов премьер-министру Кацура Таро и министру иностранных дел Комура Дзютаро. В печати текст появился 24 июня 1903, на страницах «Токио-Асахи симбун», считавшейся одной из крупнейших газет в столице. Данный документ, на наш взгляд, представляет уникальный источник, позволяющий проследить историю возникновения русофобии⁷ в Японии.

«Мнение семи университетских докторов» начинается с сожаления авторов об упущенных Японской империей возможностях, которые носят судьбоносный характер: «в государственных делах, на грани успеха и неудачи, если вы используете

¹ Лукоянов И.В. "Не отстать от держав..." Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX вв. СПб., 2008. С. 403.

² Авиллов Р.С. «Какой вздор!»: военный министр А. Н. Куропаткин о трудах японских националистов // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 4. С. 875–887.

³ Ямамото К., Кургина Д.Ю. «Совершенный в древнем бусидо»: идеолог континентальных ронинов Тояма Мицуру // Диалог со временем. 2024. № 88 (88). С. 223.

⁴ Подробнее о жизни Утиды и его вкладе в подготовку к русско-японской войне см.: Болдин В.А., Кургина Д.Ю., Ширинянц А.А. «Нам жаль русских, ... нужно помочь страдальцам» // RussianStudiesHu, 2023. Т.5. №2. С. 121–136.

⁵ Извлечение из 2-го выпуска (апрель 1901 г.) «Известий Амурского общества», Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 4. Д. 481. Л. 280.

⁶ 14. 宮武 実知子『「帝大七博士事件」をめぐる輿論と世論: メディアと学者の相利共生の事例として』マス・コミュニケーション研究 2007 年 70 巻 p. 157-158.

⁷ О русофобии см.: Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология / А.Ю. Шутов, А.А. Ширинянц, О. Е. Сорокопудова [и др.] // Тетради по консерватизму. 2015. № 2. С. 175-207.

возможность, вы превратите несчастье в благословение, но, если вы упустите возможность, вы превратите благословение в несчастье. Особенно, это касается дипломатии. Однако, если оглянуться назад и рассмотреть политику на Дальнем Востоке за последние 7–8 лет, мы часто упускали возможности»¹.

Перечисляя ошибки внешней политики, профессора акцентируют внимание на том, что цепочка ошибок началась с японо-китайской войны: «в Ляодунском договоре о возмещении, не были оговорены условия «неотчуждаемости территории». В результате, мы действительно упустили очень важную возможность, и именно это, надо сказать, стало причиной сегодняшнего «маньчжурского вопроса»². И, по мнению авторов статьи, к 1903 г. ситуация в отношениях с западными державами приобрела критический характер, ставя под вопрос дальнейшее существование нации³.

Примечательно, что, хотя речь и идет о судьбе Японии и японцев, профессора призывают читателей задуматься и об угрозе Азии в целом: «стоит обратить внимание, что ситуация на Дальнем Востоке обострилась, и мы не можем позволить себе многократно упускать возможности, как делали это в прошлом. Если мы упустим сегодняшнюю возможность, у Японии, Китая и Кореи не будет и шанса снова поднять голову»⁴. Таким образом, вполне ярко прослеживается влияние набиравшего среди японцев популярность азиатизма. И хотя речь идёт о начале войны с Российской империей, конфликт приобретает цивилизационный характер: «мы должны осознать: сейчас нам действительно выпадает хороший шанс, но он также и последний. Если его упустить, то мы оставим после себя наследие боли на века». Призывая к войне с Россией авторы «Мнения семи университетских докторов», одновременно предлагают борьбу с западным колониализмом, страх перед которым изначально превосходил в Японии русофобию.

Профессора просят современников задуматься над российским «экспансионизмом», представляющего настоящую опасность, намекая на то, что Япония будет следующей территорией, которую Россия захочет после захвата стран на материке: «А если Россия собирает свои силы на Дальнем Востоке, рассчитывая, что сможет добиться желаемого, то нам следует лишь знать место, где все произойдет. Если она займет Маньчжурию, то, вне всяких сомнений, её следующим шагом будет столкновение с Кореей. Если Корея будет во власти России, то понятно в чью сторону она посмотрит после этого»⁵. В связи с этим они призывают японцев отказаться от «полумер», перейти к «радикальному решению проблемы» и воспользоваться временем, «дарованным небесами» пока Россия не сформировала опорный пункт на Дальнем востоке⁶.

В дальнейшем история показала: избежать войны России и Японии не удалось. Японское общество, в свою очередь, оказалось заранее подготовленным и приложило все усилия для победы в ней. В «Мнении семи университетских докторов» русско-японская война становится частью миссии Японии, без которой дальнейшее существование не представляется возможным: «Кроме того, более чем сорок миллионов наших соотечественников втайне ненавидят действия России. Это нарушает

¹「大學七博士の意見書」『東京朝日新聞』1903年06月24日、朝日新聞クロスリサーチ、<https://xsearch.asahi.com/shimen/pdf/?1657242782880> (2022年6月27日アクセス)

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

гармонию народа. Следовательно, если сейчас не будет принято никакого решения, то мы упустим время, дарованное нам небесами, потеряем преимущество на суше, пойдём против гармонии народа, поставим под угрозу наследие наших предков и будем оплакивать счастье наших потомков и грядущих поколений»¹.

Таким образом, политико-текстологический анализ статьи «Мнение семи университетских докторов» позволяет прийти к следующему выводу об особенностях русофобии на Востоке. Так, исследования русофобии показывают, что на Западе русские зачастую воспринимались сквозь призму «азиатскости», как «дикари» и «варвары»². Вместе с тем, с точки зрения стран Дальнего Востока Россия не входила в число участников паназиатского проекта, не являлась частью азиатского мира, а, наоборот казалась угрозой для Азии и её существования. Более того, она наравне с Великобританией, Францией, США, считалась западной державой, враждебной Азии и её интересам.

Библиография

1. *Авилов Р.С.* «Какой вздор!»: военный министр А. Н. Куропаткин о трудах японских националистов // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 4. С. 875–887.
2. *Болдин В.А., Кургинова Д.Ю., Ширинянец А.А.* «Нам жаль русских, ... нужно помочь страдальцам» // RussianStudiesHu, 2023, Т.5, №2. С. 121-136.
3. Извлечение из 2-го выпуска (апрель 1901 г.) «Известий Амурского общества», Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 4. Д. 481. Л. 280-288.
4. *Кургинова Д.Ю.* К вопросу о том, что такое русофобия // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 1 (78). С. 104–110.
5. *Кургинова Д.Ю.* Россиеведение в Японии: от русофобии к научной дисциплине // Традиции и инновации в методике преподавания гуманитарных дисциплин: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции (20-21 апреля 2023 г.). Арзамас, С. 267–272.
6. *Кургинова, Д.Ю.* «Красная Россия глазами японца»: путевые заметки Накахиры Акиры // Суверенитет – безопасность – интеграция как константы устойчивого государственного развития: международный опыт и национальные реалии. К 30-летию Института Президентства Республики Беларусь. Белорусская политология: многообразие в единстве: материалы X междунар. науч.-практ. конф. (Гродно, 31 мая – 1 июня 2024 г.). В 2 ч. Ч. 2. Гродно, 2024. С. 293–296.
7. *Лукоянов И.В.* "Не отстать от держав..." Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб., 2008.
8. Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология / А.Ю. Шутов, А.А. Ширинянец, О.Е. Сорокопудова [и др.] // Тетради по консерватизму. 2015. № 2. С. 175–207.
9. *Танака Т.* Утида Рёхэй: взгляд на Россию // Ежегодник Япония. 2012. Т. 41. С. 390–412.
10. *Ямамото К., Кургинова Д.Ю.* «Совершенный в древнем бусидо»: идеолог континентальных ронинов Тояма Мицуру // Диалог со временем. 2024. № 88 (88). С. 213–224.

¹ Там же.

² Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология / А.Ю. Шутов, А.А. Ширинянец, О.Е. Сорокопудова [и др.] // Тетради по консерватизму. 2015. № 2. С. 175-207.

11. 宮武 実知子『「帝大七博士事件」をめぐる輿論と世論 :
メディアと学者の相利共生の事例として』マス・コミュニケーション研究 2007 年 70 巻 p. 157-175.
12. 嵯峨 隆『アジア主義全史』筑摩書房、2020年 [Saga Takashi. “Complete History of Asianism”. Chikuma Shobo: 2020].
13. 「大學七博士の意見書」『東京朝日新聞』1903年06月24日、朝日新聞クロスリサーチ、<https://xsearch.asahi.com/shimen/pdf/?1657242782880> (2022年6月27日アクセス)
14. Gutorov V.A., Shirinyants A.A., Shutov A.Yu. Two civilizations: the relations of Russia and Western Europe at the beginning of the 21st century // Baltic Region. 2018. Vol. 10, No. 4. P. 132-141.

Логвинов Дмитрий Вадимович

Аспирант факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Москва, Россия

**НАЦИОНАЛИЗМ И СЕПАРАТИЗМ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ
ФИНЛЯНДСКОМ: Л. Г. С. МЕХЕЛИН (1839–1914)**

Аннотация

В современном мире наблюдается беспрецедентная геополитическая напряженность, чреватая возникновением конфликтов между государствами и военно-политическими блоками. Новый виток дает и цивилизационное противостояние коллективного Запада и России, подкрепляемое русофобской пропагандой. Поэтому изучение русофобии, ее корней и содержания приобретает особую актуальность для отечественных исследователей. В данном контексте большой интерес представляет фальсификационный характер исследований сторонника независимости Финляндии – Леопольда (Лео) Генриха Станислава Мехелина (1839–1914), служивших реализации национальных амбиций Финляндии и демонизации образа России. В работе применяются методы историко-библиографического и политико-текстологического анализа, чтобы изучить положения финляндского национализма и сепаратизма в жизни и творчестве Лео Мехелина. Особое внимание уделяется русофобским нарративам и политическим идеям, которые использовались для легитимации стремления Финляндии к независимости. Итогом исследования становится выявление признаков русофобского дискурса, сводящегося к систематическому умалчиванию важных исторических документов, намеренным искажениям исторической действительности и фальсификациям с целью формирования определенного общественного мнения, новой социально-политической реальности.

Ключевые слова: финляндский вопрос, Лео Мехелин, независимость, русофобия, пропаганда, право.

Для международной обстановки на современном этапе характерна высокая степень поляризации и турбулентности. Стабильности ей не добавляет и противостояние России с западными странами. Вместе с тем надо отметить, что за последнее

время русофобия стала неотъемлемым инструментом гибридной войны стран так называемого коллективного Запада в отношении России.

Убедительными являются слова о том, что «руссофобия становится основой внешнеполитической стратегии и внутривластной пропаганды многих стран»¹. Так, например, западные демократии испытывают страх перед Россией, которая хочет идти путем русских духовных и культурно-исторических традиций, поэтому стремятся доказать своим гражданам через рупор государственной пропаганды, что влияние русского национального начала на жизнь государства опасно и недопустимо². В данном контексте изучение руссофобии, его истоков и содержания является важным аспектом развития отечественной политологической науки³.

В рамках проводимого исследования наиболее близким термином кажется видение руссофобии как «определенного набора антирусских и антироссийских штампов, клише, отрицательных стереотипов» в купе с использованием подлогов, фальсификации документов, мистификации, полуправды и других манипулятивных приемов, создающих эффект иллюзии правды, способствующих формированию определенного образа России в массовом сознании⁴. Одним из проводников идеологии финского сепаратизма стал финляндский сановник Лео Мехелин, известный по мистификациям российского общества и власти и жонглированию историческими событиями.

«Конституция Финляндии», которую Мехелин писал на французском языке для европейского читателя, являлась программным документом сторонников независимости Великого княжества Финляндского. Ключевым положением книги является тот «исторический» факт, что Российскую империю и независимое Великое княжество Финляндское связали союзные отношения, основанные на равноправном договоре финляндских сословий и российского императора. Из данного соглашения следует, что российский император ограничен в верховных правах по управлению Финляндией «историческими» правами финнов. Другая идея Мехелина предполагает, что Финляндия является суверенным государством, которое находится в «личной унии» с Россией⁵.

Однако теория самостоятельного Финляндского государства разбивается о русско-шведское мирное соглашение 1809 года. Именно поэтому Мехелин и обошел его вниманием: мирный договор подрывает претензии Финляндии на независимость, не поддается произвольной интерпретации или двойственным оценкам, а потому не может стать предметом фальсификаций. Область, подчиненная России, никогда не имела возможности вести переговоры с императором Александром I на основе «исторических» прав, которые позволили бы ей выступать в качестве независимого партнера. Четвертая статья Фридрихсгамского мирного договора свидетельствует о

¹ Гуторов В.А., Ширинянец А.А. Руссофобия: слово и смыслы // Тетради по консерватизму. 2023. № 1. С. 231

² Шафаревич И.Р. Руссофобия // Есть ли у России будущее: Публицистика. М., 1991. С.404-405; см. также: Идеологии и генезис ценностей современного общества: Коллективная монография / М. В. Аникиев, Д. К. Богатырев, И. В. Борисов [и др.]. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2016. С. 93; Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология / А. Ю. Шутов, А. А. Ширинянец, О. Е. Сорокопудова [и др.] // Тетради по консерватизму. 2015. № 2. С. 175–207.

³ См.: Ширинянец А.А., Сорокопудова О.Е. «Русский вопрос»: французская руссофобия в XIX веке // Вестник Московского государственного областного университета. 2014. № 2; Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология // Тетради по консерватизму. 2015. № 2. С. 175–207.

⁴ Ширинянец А. А. Еще раз о руссофобии: к вопросу о концептуализации // История. Историки. Источники. 2024. № 2. С. 43.

⁵ Мехелин Л. Конституция Финляндии. М., 1888. С.12-18.

том, что шведский монарх отказывается от притязаний на Финляндию, губернии которой «будут состоять в собственности и державном обладании Империи Российской и к ней навсегда присоединяются»¹. Ранее, в рамках исполнения воли императора Александра I, изложенной в манифесте «О покорении шведской Финляндии и о присоединении оной навсегда к России» 1808 года, все население Финляндии присягнуло российскому государю на верноподданство по общей русской присяге². В свою очередь, редакция российской газеты «Московские ведомости» акцентировала внимание на том, что Фридрихсгамский мирный договор является фундаментальным нормативно-правовым актом, определяющим условия вхождения Финляндии в состав России не как «самостоятельной политической единицы», а как совокупности «губерний и областей». Более того, газета ставит в укор Мехелину намеренное замалчивание в своих трудах положений Фридрихсгамского мирного договора³.

Развенчанию «финской легенды» во многом способствовал и К. Ф. Ордин, «русский человек, достаточно русский, чтобы думать об интересах России, достаточно знающий Финляндию, чтобы дать отпор сепаратистским подвохам»⁴. Так, в российском обществе широкий резонанс приобрела полемика Мехелина и Ордина по поводу «исторических» предпосылок автономного статуса Финляндии в составе Российской империи. Лео Мехелин, анализируя присоединение Финляндии к Российской империи, рассматривает Боргоский сейм 1809 года как историческое событие, благодаря которому император Александр I услышал истинный голос финляндского народа. Однако Кесарь Филиппович не дает таких категоричных заключений, сообщая, что Александр I рассматривал Сейм исключительно как совещательный орган⁵. Более того, Ордин критиковал финского общественного деятеля за необоснованное использование строгих правоведческих терминов, подчеркивая, что в тот момент и во всех речах императора и финских деятелей, и во всех актах Финляндия обозначалась как «провинция», а не «государство», как бы того хотелось Лео Мехелину⁶.

Летом 1890 г. Лео Мехелен участвовал в радушной встрече комиссии Европейского тюремного конгресса, которая прибыла в Финляндию. К ее визиту хельсинкская газета на шведском языке *Nya Pressen* подготовила брошюру, агитировавшую за финляндскую автономию. В агитационной брошюре была также раскрыта реформа Уголовного Уложения, дававшая сторонникам независимости Финляндии основания причислять себя к носителям передового правового опыта⁷. Вместе с тем сепаратисты из *Nya Pressen* как бы невзначай транслируют мысль о том, что народ, стремящийся к реализации передового правового опыта эпохи на практике, заслуживает «самостоятельной национальной и политической жизни»⁸. Помимо того, что финские чиновники старались заручиться поддержкой и сочувствием гостей из Европы, они использовали встречу с членами Тюремного конгресса как предлог для того, чтобы обвинить Российскую империю в притеснении финской культуры: «всякий друг человечества горько пожалеет, если враждебным культуре русским удастся

¹ Шиловский П. Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб., 1903. С.119.

² Там же. С.127.

³ Финляндская окраина: Финляндская окраина России. Сборник статей, очерков, писем, документов и иных материалов для изучения так называемого «Финляндского вопроса». Вып.1. М., 1891. С.34.

⁴ Там же. С.561.

⁵ Мехелин Л. Конституция Финляндии. М., 1888.

⁶ Там же. С.13.

⁷ Финляндская окраина: Финляндская окраина России. Сборник статей, очерков, писем, документов и иных материалов для изучения так называемого «Финляндского вопроса». Вып.1. М., 1891.С.382.

⁸ Там же. С.383.

уничтожить самобытность, а вместе с тем и внутреннюю нравственную силу этого [финского] народа»¹.

Западная пресса также использовала свое влияние для поддержки финских сепаратистов. Немецкое издание консервативной прессы «Крестовая газета», являвшаяся органом антироссийской пропаганды, с готовностью процитировало речь Мехелина, прозвучавшую на встрече с европейской делегацией. Финский политик, заигрывая с зарубежными гостями, заявил об общности устремлений Финляндии и других народов Европы в области развития науки, культуры и социальной жизни. Однако, как это водится, прогрессу Великого княжества Финляндского грозила опасность со стороны России, притесняющей культурные права Финляндии².

Большой мечтой финляндских либералов была идея создания финской армии. В 1878 г. был издан новый воинский устав для Финляндии, который резко подчеркнул тенденции сепаратизма. Из документа следовало, что финляндские войска служат исключительно национальным интересам Финляндии и что русским подданным служить в них запрещено. Нововведения предполагали, что финские рекруты должны нести воинскую службу только в пределах княжества и могут вступать в бой только в случае угрозы Финляндии. Был введен также целый ряд положений, подчеркивающих раздельность российской и финской армий. Например, военные вопросы финляндских воинских подразделений решал военный министр, а административные и финансовые – министр статс-секретарь по финляндским делам и генерал-губернатор, который также возглавлял Финляндский военный округ. В соответствии с новым воинским уставом Финляндии финляндская армия финансировалась за счет доходов от эксплуатации казенных земель, поступавших в милицейский фонд, а особое судебное военное законодательство регулировало внутренние дела финляндских войск³.

В контексте создания финской армии особую актуальность приобретают слова Лео Мехелина, произнесенные им на презентации воинского устава, о том, что «отношение к покровительствуемому и безоружному будет совершенно иное, чем к вооруженному союзнику»⁴. Помимо прочего, говоря о целесообразности финляндской армии, российский публицист Ф. Еленев задавался вопросом о том, что у Финляндии нет естественного противника, а в случае участия Российской империи в военном конфликте со странами Европы защищать побережье Прибалтики будет регулярная российская армия⁵. Таким образом, необходимость регулярной финляндской армии признавали только сторонники независимости края, рассматривавшие этот шаг как необходимое условие суверенитета.

Как потом оказалось, опасения консервативной части российского общества насчет того, что финляндская армия может стать рассадником сепаратистских идей не были беспочвенны. Еще в 1890 году печатный орган сторонников независимости Великого княжества Финляндского *Nya Pressen* анонсировал создание одного из первых тайных комитетов, осуществлявших сепаратистскую агитацию в Финляндии и за рубежом под руководством Лео Мехелина⁶. Наряду с этим, армейская среда

¹ Там же. С.392.

² Там же. С.391.

³ Латин В.В. Финляндия в военной системе Российской империи // Петербургский исторический журнал. 2014. № 1. С. 105–106.

⁴ Замысловский Г.Г. В борьбе с ненавистниками России. М., 2013. С.395.

⁵ Еленев Ф. Финляндский современный вопрос по русским и финляндским источникам. СПб., 1891. С.190.

⁶ Финляндская окраина: Финляндская окраина России. Сборник статей, очерков, писем, документов и иных материалов для изучения так называемого «Финляндского вопроса». Вып.1. М., 1891. С.623.

способствовала созданию радикальных общественных организаций «Войма» и «Красная Гвардия», деятельность которых носила террористический характер и была направлена на полное отделение Финляндии от России посредством вооруженного восстания. Одним из способов достижения поставленной цели сепаратисты видели слом политической системы Российской империи через солидаризацию с революционными деятелями в России.

Министр внутренних дел Российской империи П.А. Столыпин на заседании Государственной Думы Российской империи в 1908 году отмечал возрастающую враждебность ко всему русскому со стороны коренного населения Финляндии и, что более значимо, обвинял финскую интеллигенцию в сотрудничестве с русскими террористами. Ссылаясь на доклад бывшего генерал-губернатора князя Оболенского, Петр Аркадьевич подчеркнул, что в ходе заседания одной из комиссий финский сенатор Лео Мехелин, обладая актуальной информацией о начале революции в Российской империи, призвал к отстаиванию интересов Финляндии на фоне эскалации революционных настроений¹.

Лео Мехелин, как один из видных идеологов финляндского национализма, разделял мысль о солидаризации оппозиционных сил России с революционерами из Финляндии и принимал деятельное участие в Парижской конференции. В 1904 году в Париже финские политики, не так давно составлявшие «пассивное сопротивление» в Финляндии, инициировали форум революционных и оппозиционных партий России. Таким образом, после высылки за пределы Российской империи, они продолжили подрывную деятельность, направленную на десоверенизацию России, уже в рамках активного сопротивления: финские революционеры создали комитет, который продемонстрировал готовность сотрудничать с российскими революционными кругами ради ниспровержения государственного строя Российской империи. На полях конференции в Париже участники подписали декларацию, основными положениями которой были отмена всех мероприятий, нарушивших конституционные права Финляндии, уничтожение российской монархии и учреждение демократической власти в России².

Таким образом, финские сепаратисты стали не только сердцем антироссийской пропаганды в Европе, но и организаторами важной антигосударственной конференции. Помимо этого, не имея возможности опереться на военную силу, они выбрали тактику террора, жертвой которой за непродолжительный отрезок времени стали финляндский генерал-губернатор Н.И. Бобриков, прокурор финляндского Сената старофинн Ионсон и жандармский полковник Крамаренко. Также была предпринята попытка покушения на тайного советника В.Ф. Дейтриха. Акции террора демонстрировали стремление финляндских сепаратистов распоряжаться вооруженной силой, попытку создания которой на законодательном уровне официальные власти Российской империи пресекли.

Таким образом, Лео Мехелин принял активное участие в создании идеологической базы финского национализма. Однако интеллектуальные построения Мехелина являются подделкой, преследующей цель манипулировать общественным сознанием

¹ Столыпин П.А. Речь о Финляндии, произнесенная в вечернем заседании Государственной Думы 5 марта 1908 г. // Столыпин П.А. Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. М., 1991.

² Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900–1922 гг. В 3-х т. Т. 1. 1900–1907 гг. М., 1996. С.158-161.

в политических целях¹. Характерными признаками творчества финского политика являются произвольный анализ «удобных» исторических документов, превратное толкование и субъективная оценка нормативно-правовых актов, порождающие искажение исторической правды – как известно, «многократно повторенная ложь становится правдой»².

Библиография

1. Гуторов В.А., Шириняц А.А. Русофобия: слово и смыслы // Тетради по консерватизму. 2023. № 1. С. 231–237.
2. Еленев Ф. Финляндский современный вопрос по русским и финляндским источникам. СПб., 1891.
3. Идеологии и генезис ценностей современного общества: Коллективная монография / М. В. Аникиев, Д. К. Богатырев, И. В. Борисов [и др.]. СПб: Русская христианская гуманитарная академия, 2016.
4. Замысловский Г.Г. В борьбе с ненавистниками России. М., 2013.
5. Лапин В.В. Финляндия в военной системе Российской империи // Петербургский исторический журнал. 2014. № 1. С. 98–120.
6. Мехелин Л. Конституция Финляндии. М., 1888.
7. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900–1922 гг. В 3-х т. Т.1. 1900–1907 гг. М., 1996.
8. Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология / А. Ю. Шутов, А. А. Шириняц, О. Е. Сорокопудова [и др.] // Тетради по консерватизму. 2015. № 2. С. 175–207.
9. Столыпин П.А. Речь о Финляндии, произнесенная в вечернем заседании Государственной Думы 5 марта 1908 г. // Столыпин П. А. Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. М., 1991.
10. Финляндская окраина: Финляндская окраина России. Сборник статей, очерков, писем, документов и иных материалов для изучения так называемого «Финляндского вопроса». Вып.1. М., 1891.
11. Царегородцев С.С., Шириняц А.А. В поисках смысла: идеи как фактор политики // Вестник Российской нации. 2018. № 1(59). С. 64–78.
12. Шафаревич И.Р. Русофобия // Есть ли у России будущее: Публицистика. М., 1991. С. 389–487.
13. Шиловский П. Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб, 1903.
14. Шириняц А.А. Еще раз о русофобии: к вопросу о концептуализации // История. Историки. Источники. 2024. № 2. С. 36–44.
15. Шириняц А. А., Сорокопудова О.Е. «Русский вопрос»: французская русофобия в XIX веке // Вестник Московского государственного областного университета. 2014. № 2. [Электронный ресурс] URL: <https://www.vestnik-mgou.ru/jour/article/view/891/8812>.
16. Шутов А.Ю., и др. Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология // Тетради по консерватизму. 2015. № 2. С. 175–207.

¹ Царегородцев С.С., Шириняц А.А. В поисках смысла: идеи как фактор политики // Вестник Российской нации. 2018. № 1(59). С. 78.

² Гуторов В.А., Шириняц А.А. Русофобия: слово и смыслы // Тетради по консерватизму, 2023. № 1. С. 234.

Мхитарян Сергей Робертович

Студент бакалавриата факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия

ПАВЕЛ I В АНГЛИЙСКОЙ КАРИКАТУРЕ КОНЦА XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВЕКОВ

Аннотация

Статья посвящена образу российского императора Павла I в сатирических иллюстрациях английских художников конца XVIII — начала XIX веков. Часть карикатур выражает резкую неприязнь британцев к «русскому Гамлету» и «ручному медведю Наполеона». Другая же часть имеет более умеренный, но все еще насмешливый характер.

Ключевые слова: император Павел I, английская карикатура, образ безумца.

Карикатура уже давно стала отдельным жанром изобразительного искусства, имеющим свои каноны, влиятельных авторов и преданную публику по всему миру¹. Популярность «смешных картинок» продолжает расти вот уже третье столетие, не собираясь останавливаться. Есть множество национальных сатирических школ: французская, немецкая, российская и другие. Но самой известной и значительной была и остается английская карикатура. Ее Золотым веком можно назвать вторую половину XVIII столетия². Все события внутренней и внешней политики подвергались высмеиванию. Любой государственный деятель мог быть унижен самым пошлым образом на потеху публике³. Особенно ярко это видно на примере образов российских правителей.

Екатерину II можно по праву назвать одной из любимых «жертв» английских карикатуристов⁴. Кем только не изображалась императрица – она была и медведицей, и мужеподобным боксером, и бесстыдной блудницей⁵, и кровавым монстром, и неразумной марионеткой в руках своих фаворитов, и неутолимой в своих аппетитах завоевательницей⁶. Вне зависимости от периода правления и положения русско-британских отношений Екатерина Великая всегда оставалась объектом неограниченной ни моралью, ни законом ненависти и насмешки.

Самой известной карикатурой, посвященной императрице России, является рисунок Джорджа-Фредерика Байрона от 1791 года «Имперский шаг», в котором собрались все возможные стереотипы и образы: тут и гигантизм фигуры Екатерины, и ее желание подчинить себе весь Восток, и неподобающая царственной особе пошлость, и смешанная с страхом и восхищением беспомощность европейских правителей. Эта работа вызвала настоящий восторг, будучи перерисованной и перепечатанной неисчислимым количеством раз. «Имперский шаг» стал неотъемлемой частью образа Екатерины II в сознании интеллигенции и простого народа⁷.

¹ Швыров А.В. Иллюстрированная история карикатуры с древнейших времен до наших дней. СПб., 1904. С. 3-6.

² Шестаков В.П. Гиллрей и другие... Золотой век английской карикатуры. М., 2004

³ Дукельская Л.А. Английская бытовая карикатура второй половины XVIII века. М., 1966.

⁴ Caretta V. "Petticoats in Power": Catherine the Great in British Political Cartoons. New York, 1994.

⁵ Alexander J.T. Catherine the Great as porn queen // Eros and Pornography in Russian Culture. М., 1998. 237-248.

⁶ Cross A. Catherine in British caricature // Cross A. Catherine the Great and the British: A Pot-Pourri of Essays. Nottingham, 2001.

⁷ Успенский В.М., Россомехин А.А., Хрусталёв Д.Г. Имперский шаг Екатерины. Россия в английской карикатуре XVIII века. СПб., 2016.

На фоне всего этого великолепия, Павел I может показаться скучным и не особо популярным персонажем. Где покорительница Черного и Балтийского морей, а где ее чудачковатый сын, не обладавший последовательностью во внешней политике?

Также нужно отметить, что Павел I был для англичан нестабильным самодуром из-за искаженности информации, поступавшей на Британские острова из России. Причины тут сразу две: огромное расстояние между странами и отрицательное отношение к императору со стороны существенной части русского дворянства. Поэтому любая новость обрастала бесчисленным количеством клеветнических слухов и искажений¹. Кроме того, сам российский государь подыгрывал выстроенному в периодике образу «Русского Гамлета» и «Царя-Дон Кихота», заказывая гобелены с Дон Кихотом и сознательно совершая эпатажные выходки².

В конце концов, именно эта «странность» и обеспечила новому императору небывалую популярность и прочное место на английских карикатурах. Так, только в период с января по март 1801 года и только в Лондоне были опубликованы 10 сатирических иллюстраций, изображающих Павла.³ И если символом екатерининского периода был пусть и пошлый, но по-своему грозный «Имперский шаг», то павловская Россия была охарактеризована «Шагом Безумца» (февраль 1801 г.)⁴ – перерисовкой ранее упомянутой работы. Вместо Екатерины II, беспрепятственно идущей на Восток, теперь Павел I, столь же беспрепятственно идущий, только не в Константинополь, а в лондонскую больницу для психически больных Бедлам. Именно безумство императора станет одним из основных мотивов, повторяющихся в сатире того времени⁵. Так, один из виднейших английских карикатуристов Исаак Крукшенк опубликовал несколько серий иллюстраций, на которых умалишенный царь держит в своих руках два свертка – приказ в одной и его же отмену в другой⁶.

Другой характерной чертой была гиперболизировано уродливая внешность российского правителя. Тот же Крукшенк часто подрисовывал Павлу I детское лицо, гипертрофированно большие и в то же время слишком плавные черты лица. Джеймс Гиллрей, в свою очередь, рисует императора мелконосим, большегубым, остроухим и морщинистым самолюбцем. Что интересно, карикатура называется «Великодушный союзник»⁷ и нарисована в годы существования второй антифранцузской коалиции. Поэтому несмотря на высмеивание внешности Павла I Гиллрей удержался от изображения его безумства. Можно вспомнить и иллюстрацию шотландского карикатуриста Джона Кея «Покойный император Павел»⁸, на которой государь изображен криволицым, большеносим и безгубным. Забавно, что «портрет» (а Кей выдавал свою работу за «настоящий портрет Павла») как будто срисован со страдавших от кровосмесительных браков Габсбургов XVII–XVIII веков.

Изучая карикатуры, посвященные Павлу I, можно заметить процесс, результаты которого заметны и сегодня. Если Екатерина II и более ранние правители

¹ Cross A. Russia under western eyes, 1517-1825. L., 1971. С. 254–274

² Россомехин А.А., Хрусталева Д.Г. Вызов императора Павла, или Первый миф XIX столетия. СПб., 2011.

³ Там же. С. 145

⁴ A Lunatic Stride - B1981.25.1940 - Yale Center for British Art.

⁵ Cross A. "Crazy Paul": The British and Paul I // Reflections on Russia in the Eighteenth Century. Cologne, Weimar and Vienna, 2001.

⁶ Чекмарев В.М. Павел I в английской графике (1765–1804 гг.) // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. М., 2019. С. 102

⁷ Gillray J. The Magnanimous Ally. L., 1799.

⁸ Kay J. The Late Emperor Paul. Edinburgh, 1804.

изображались пускай и насмешливо, но, в первую очередь, угрожающе и опасно, то Павел I был именно что шутком, не представляющим угрозы. И начиная именно с этого момента, «Русский медведь» становится, в первую очередь, смешным, и только потом угрожающим. В дальнейшем, вне зависимости от ситуации на политической арене, лидеры России будут восприниматься как управляющие отсталой страной варвары с рядом психических расстройств. Даже угрожающий Австро-Венгрии «паровой каток» русской армии всего через пару месяцев после начала Первой мировой будет изображен разбитым, а его водитель – раненым и плачущим. И появление этой традиции произошло еще в конце XVIII столетия.

Библиография

1. *Россомахин А.А., Хрусталева Д.Г.* Вызов императора Павла, или Первый миф XIX столетия. СПб, 2011.
2. *Дукельская Л.А.* Английская бытовая карикатура второй половины XVIII века. М., 1966.
3. *Успенский В.М., Россомахин А.А., Хрусталева Д.Г.* Имперский шаг Екатерины. Россия в английской карикатуре XVIII века. СПб., 2016.
4. *Чекмарев В.М.* Павел I в английской графике (1765–1804 гг.) // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. М., 2019.
5. *Швыров А.В.* Иллюстрированная история карикатуры с древнейших времен до наших дней. СПб, 1904.
6. *Шестаков В.П.* Гиллрей и другие... Золотой век английской карикатуры. М., 2004.
7. *Alexander J.T.* Catherine the Great as porn queen // *Eros and Pornography in Russian Culture*. М., 1998. 237-248.
8. *Caretta V.* “Petticoats in Power”: Catherine the Great in British Political Cartoons. New York, 1994.
9. *Cross A.* “Crazy Paul”: The British and Paul I // *Reflections on Russia in the Eighteenth Century*. Cologne, Weimar and Vienna, 2001.
10. *Cross A.* Catherine in British caricature // *Cross A. Catherine the Great and the British: A Pot-Pourri of Essays*. Nottingham, 2001.
11. *Cross A.* Russia under western eyes, 1517-1825. L., 1971.

Никулин Егор Романович

Научный консультант Автономной некоммерческой организации «Центр общественно-политических проектов и коммуникаций»

Москва, Россия

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУСОФОБСКОГО ДИСКУРСА: АНАЛИЗ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ЗАПАДНЫХ ПОЛИТИКОВ

Аннотация

Статья посвящена выявлению особенностей западного русофобского дискурса с помощью реализации семантического анализа релевантных высказываний западных политиков, дифференцированных на четыре группы: политики постсоветского пространства, страны бывшего социалистического блока, «традиционных» западных государств и западных организаций.

Ключевые слова: русофобия, дискурс, семантика, сегмент сети, цифровое пространство.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью определения степени семантической гомогенности западного русофобского дискурса для формирования более эффективной стратегии противостояния русофобскому контенту в сетевом пространстве. Теоретический объект исследования – семантические особенности дискурса. Предмет исследования – семантическая специфика западного русофобского дискурса. Эмпирический предмет исследования – 95 высказываний западных политиков, собранных в период с 2022 по 2023. Цель исследования – оценить семантическую гомогенность русофобского дискурса, который продуцируют западные политики. Методика исследования включает в себя два этапа. Первый – формирование эмпирической базы исследования (при ее составлении мы опирались на сборник МИД РФ¹) и ее дифференциация по субрегионам «коллективного» Запада (постсоветские государства, государства бывшего социалистического блока, государства «традиционного» Запада и западные структуры и организации). Второй – семантический анализ полученного контента и выявление его особенностей (соотношение прилагательных, глаголов и слов-концептов, а также специфика этих блоков семантики).

Перед описанием семантических особенностей анализируемого контента следует отметить, что из 95 проанализированных высказываний 44 принадлежат политикам стран «традиционного» Запада, 31 – политикам стран постсоветского пространства, 11 – представителям западных организаций и 9 – политикам стран бывшего социалистического блока. Более объемные тексты принадлежат представителям западных организаций и политикам государств бывшего социалистического блока (37 и 35 слов соответственно), а менее объемные – политикам стран «традиционного» Запада и постсоветских государств (32 и 27 слов соответственно).

В результате реализации исследования нами были выявлены следующие семантические особенности релевантного контента: Семантические особенности контента, продуцируемого политиками постсоветских стран: Россия, российский, язык,

¹ Примеры использования антироссийской и русофобской риторики представителями западного политического истеблишмента и международных организаций (за 2022–2023 гг.) МИД России <https://telegra.ph/Primery-ispolzovaniya-antirossijskoj-i-rusofobskoj-ritoriki-predstavatelyami-zapadnogo-politisteblishmenta-i-mezhdunarodnyh-orga-02-22-3> (дата обращения: 25.10.2024)

ребенок, Украина, военный, русский, ситуация, страна, государство, Донбасс, забыть, назвать, призвать, против; Семантические особенности контента, продуцируемого политиками стран бывшего социалистического блока: Россия, абсолютно, порядок, безопасность, встреча, защита, злой, изменения, международный, мир, невинный, олицетворение, правило, военный, ракета; Семантические особенности контента, продуцируемого политиками стран «традиционного» Запада: Россия, Украина, российский, война, Путин, агрессия, военный, страна, государство, международный, народ, отношения, сделать, являться, Европа; Семантические особенности контента, продуцируемого представителями западных организаций: Россия, война, Европа, Украина, мир, российский, европейский, заплатить, международный, народ, бой, возглавить, вторгнуться, жестокий, кризис.

Наиболее активистский характер носит контент, продуцируемый политиками постсоветских стран и представителями западных организаций: из 15 слов семантического ядра 3 являются глаголами. Более низкая степень активизма характерна для контента, продуцируемого политиками стран бывшего социалистического блока и «традиционного» Запада. Наиболее ярко активистский аспект проявляется в высказываниях политиков стран постсоветского пространства (слова «назвать», «призвать», «забыть»).

Несмотря на крайне низкий уровень активизма контента, продуцируемого политиками стран бывшего социалистического блока, он характеризуется наибольшим количеством прилагательных (5 прилагательных из 15 слов), что указывает на более высокую степень эмоциональности. Наиболее эмоциональны прилагательные из высказываний политиков бывшего социалистического блока («злой», «невинный», «абсолютный»), а во всех остальных сегментах эмпирической базы прилагательные носят преимущественно описательно-контекстуальный характер («военный», «международный», «российский», «европейский»).

Контекстуально семантика анализируемого контента связана с военными действиями на Украине, поскольку наиболее часто встречаются слова «война», «военный», «Россия», «Украина». Концептуально отмечается следующая специфика исследуемого контента: высказывания представителей западных организаций и политиков «традиционного» Запада посвящены оценке ситуации на Украине («кризис», «агрессия», «война», «бой»), политиков государств бывшего социалистического блока – военной ситуации в регионе («безопасность», «защита», «военный», «ракета»), а политиков государств постсоветского пространства – военной, языковой и гуманитарной повесткам («Донбасс», «язык», «ребенок»). Ярко выражается персонификация русофобского дискурса в высказываниях политиков государств «традиционного» Запада («Путин»).

Таким образом, отмечается контекстуальная схожесть русофобского дискурса во всех выделенных нами сегментах эмпирической базы, но также фиксируются их специфические черты, что указывает на невысокую степень семантической гомогенности анализируемого контента.

Библиография

1. *Алефиренко Н.Ф.* Спорные проблемы семантики. М.: Гнозис, 2005.
2. *Бочкарев А. Е.* Семантика. Основной лексикон. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2014.
3. *Васильев Л.М.* Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики. Уфа: РИО БашГУ, 2006.

4. *Грин Б.* Элегантная вселенная: суперструны, скрытые размерности и поиски окончательной теории; [пер. с англ.]. 6-е изд. М.: Либроком, 2013.

5. *Кастельс М.* Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2011.

6. *Рейнгольд Г.* Умная толпа: новая социальная революция. М.: ГРАНД: Фаир пресс, 2006.

7. Примеры использования антироссийской и русофобской риторики представителями западного политистеблишмента и международных организаций (за 2022-2023 гг.) МИД России <https://telegra.ph/Primery-ispolzovaniya-antirossijskoj-i-rusofobskoj-ritoriki-predstavitelyami-zapadnogo-politisteblishmenta-i-mezhdunarodnyh-orga-02-22-3> (дата обращения: 25.10.2024)

Саушкина Мария Сергеевна

Аспирант кафедры сравнительной политологии факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Москва, Россия

РУСОФОБИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ИДЕОЛОГИИ УКРАИНЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СИМВОЛОВ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация

Государственная символика современной Украины становится инструментом исторической политики и «конфликта памяти». Создание антагонистичной модели коллективной памяти способно подкрепить современную политическую повестку, сформировать «подходящий» нарратив для изменения идентичности граждан, данные алгоритмы были использованы на Украине для массовой манипуляции общественным сознанием.

Ключевые слова: политика памяти, украинский ультрарадикальный национализм, государственные символы.

Государственная символика на современной Украине является инструментом исторической политики: глобального проекта коллективного запада по фальсификации истории, манипулированию коллективной памятью, внедрению в сознание общества новых нарративов и интерпретаций событий общего с Россией прошлого. Современная Украина после деконструкции в 1991 году Советского союза в силу слабо развитого суверенитета и отсутствия выверенной самостоятельной стратегии развития вошла в число антагонистичных России стран-лимитрофов. Государственная символика (герб, гимн, флаг), а также наградная политика государства имеет важное значение в формировании национальной идентичности, а практика их использования на Украине фактически стала частью глобального проекта «анти-Россия». В этой связи автор абсолютно солидарен с мнением президента России Владимира Путина: «Шаг за шагом Украину втягивали в опасную геополитическую игру, цель которой – превратить Украину в барьер между Европой и Россией,

в плацдарм против России. Неизбежно пришло время, когда концепция “Украина – не Россия” уже не устраивала. Потребовалась “анти-Россия”, с чем мы никогда не смирился»¹.

Исторически кульминационным периодом в формировании русофобских настроений на территории современной Украины является рубеж XIX–XX в. Геополитический характер соперничества Европы и России сформировал условия для массивного идеологического воздействия Австро-Венгрии на регионы Галиции и Волыни. Националистические нарративы, русофобия исторической литературы становится тем базисом, на котором будет формироваться дальнейшее политическое противостояние с Россией. В этой связи, исторически детерминированным явились обширные по своим масштабам работы М.С. Грушевского, общественного деятеля либерально-националистического, руководителя Центральной рады, Украинской народной республики в 1917–1918 гг., создавшего 10-томный труд «История Украины», что искусственно вывел народность неких древних украинцев из племени антов². Мифологизированная версия истории Украины в авторстве Грушевского стала программной основой для современных школьных учебников. Грушевский явился одним из авторов и современных государственных символов Украины.

Герб, гимн и флаг являются одними из наиболее эксплицитных инструментов по изменению политической идентичности. Украинский трезубец, утверждаемый как прообраз символа династии Рюриковичей, представляет собой пример долговременной символической континуитетности, отражая историческую последовательность с определенными политическими силами и преемственность культурных и политических традиций с такими институтами как подпольная украинская военная организация в период Второй мировой войны ОУН-УПА³. С переходом к современности, в периоды значительных политических трансформация, таких как установление Украинской Народной Республики и последующее образование независимой Украины после распада СССР, трезубец и другие национальные символы (флаг, гимн, награды) были вновь активированы и закреплены как официальные символы государства. Это подчеркивает их роль как средств по утверждению на государственном уровне доктрины «анти-Россия» в условиях геополитической турбулентности и способствует утверждению исторических нарративов прошлого в контексте поддержки сил, сотрудничавших с коллаборационистами.

Процесс манипулирования историческим наследием на Украине имеет далеко идущие последствия для социальной психологии и политической стабильности в регионе. Фальсификация истории, активно поддерживаемая официальными учреждениями и средствами массовой информации Украины, привела к формированию фрагментированного исторического сознания, где радикальный национализм и миф о «героическом» прошлом используются как инструменты политической мобилизации и социального контроля.

¹ Путин В. В. Об историческом единстве русских и украинцев. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181> (дата обращения: 29.09.2022).

² Григорьев М. С. и др. История Украины: монография. М.: Международные отношения, 2022. С. 22.

³ Организации признаны террористическими и запрещены в РФ.

Библиография

1. *Григорьев М.С., Саблин Д.В.* Обыкновенный фашизм. Украинские военные преступления и нарушения прав человека (2017–2020). М.: Международные отношения, 2020.
2. *Грушевський Михайло.* Історія України. Приладжена до про грамивищих початкових шкіл і нижчих класів шкіл середніх. К.: Либідь, 1992.
3. Грушевский М. Очерк истории украинского народа. 2-е изд. СПб., 1906
4. *Дынкин А. А., Арбатова Н.К.* Международные отношения в полицентричном мире и украинский разлом в политике России и Запада на постсоветском пространстве // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М., 2016.
5. История Украины. VI–XXI вв. / П. П. Толочко, А. А. Олейников [и др.]; под общ. ред. П. П. Толочко. 2-е изд., испр. и доп. К.; М.: Киевская Русь: Кучково поле, 2018.
6. *Кокурина О.Ю.* Государственные награды в России. Вопросы теории и практики: монография. М.: Проспект, 2015.
7. *Кокурина О.Ю.* История наградного права Российского государства: Хрестоматия. Орёл: Издательство Среднерусского института управления-филиала РАНХиГС, 2018.
8. *Толочко П.П.* Откуда пошла Русская земля. М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2023.
9. *Ульянов Н.* Происхождение украинского сепаратизма. М.: Центрполиграф, 2017.
10. *Черкашин К.* «Русская весна» в Донбассе: предпосылки, ход и последствия // Постсоветский материк. 2021. № 4(32). С. 4–15.